

УДК 904"6377"(470.5)

Кожумбердынская культурная группа в контексте концепции культурного ландшафта и индоиранской проблематики*

В. В. Ткачѐв

Институт степи УрО РАН

Аннотация. Рассмотрен вопрос формирования культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке (II тыс. до н. э.). В контексте индоиранской проблематики обосновывается особый статус кожумбердынской культурной группы, являвшейся локальным вариантом алакульской культуры андроновской культурно-исторической общности. Реконструируемая хозяйственно-культурная система развивалась с опорой на способность степных и полупустынных экосистем к регенерации с сохранением экологической функции. Репертуар и иконография петроглифов не имеют прямых аналогий в наскальных изображениях Евразии, что подчеркивает обособленность рассматриваемого культурного комплекса. Культурные памятники кожумбердынской группы Уральско-Мугоджарского региона свидетельствуют о существовании в среде индоиранского населения степей Центральной Евразии альтернативных религиозно-мифологических течений, отличных от ортодоксальных ведических канонов.

Ключевые слова: Уральско-Мугоджарский регион, поздний бронзовый век, кожумбердынская культурная группа, культурный ландшафт, петроглифы, индоиранцы.

... Признак уничтожения народностей,
когда боги начинают становиться общими.

Когда боги становятся общими,
то умирают боги и вера в них вместе
с самими народами.

Ф. М. Достоевский. «Бесы»

Введение и методология

Изучение историко-культурных процессов, протекавших в эпоху палеометалла на обширных пространствах Центральной Евразии, на современном этапе постепенно перемещается из сферы чисто гуманитарного знания в мультидисциплинарную плоскость, где заметную роль играет естественнонаучная составляющая. Наиболее рельефно это проявляется в регионах, где особенности адаптационных стратегий и хозяйственно-культурных моделей определялись обособленным характером освоенных экосистем и геолого-географическим

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00323а, и гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан № 2585/ГФ4.

своеобразием территорий, обладавших значительными сырьевыми ресурсами, доступными для разработки в древности. К числу таких территорий относится Уральско-Мугоджарский регион, где сосредоточены многочисленные месторождения и рудопоявления меди. Металлопроизводство становится в этот период одним из важнейших секторов производящей экономики, поэтому наличие у местного населения эпохи бронзы собственной минерально-сырьевой базы для горно-металлургического производства обеспечивало стабильность хозяйственно-культурной системы, стимулировало торгово-обменную деятельность и развитие социальных институтов.

Целенаправленные археологические исследования и геоархеологические изыскания в южных отрогах Уральских гор позволили выделить Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр (ГМЦ) эпохи поздней бронзы [Ткачев, 2011; Горно-металлургические центры ... , 2013, с. 177–180, рис. 1; Добыча медных руд ... , 2013; Ткачев, Zajkov, Juminov, 2013]. Это историко-металлургическое образование представляло собой систему дискретно расположенных компактных археологических микрорайонов, приуроченных к памятникам горной археологии – древним выработкам на медь (рудникам). Такие горно-металлургические комплексы выступали в качестве первичных звеньев производственных структур, которые следует расценивать как локальные центры металлопроизводства. Совершенно определенно можно говорить об историко-культурном фоне, на котором разворачивалось горно-металлургическое производство на интересующей нас территории в позднем бронзовом веке (ПБВ). Речь идет о кожумбердынской культурной группе, являющейся одним из локальных вариантов алакульской культуры на западном фланге андроновской культурно-исторической общности (рис. 1) и отличающейся присутствием федоровского компонента в материальном комплексе [Кузьмина, 1994, с. 46–47; 2008, с. 250–268]. Хронологические рамки, принятые для памятников этого круга, укладываются в интервал 1600–1400 гг. до н. э. [Дергачёв, Бочкарёв, 2002, рис. 1], однако новейшие радиоуглеродные датировки позволяют отодвинуть границы бытования алакульских и синхронных им срубных древностей Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона в пределы второй половины XVIII – первой половины XVI в. до н. э. [Бочкарёв, Кузнецов, 2014, с. 5].

Традиционные для археологической науки типологические построения в случае с андроновскими древностями, конечно, являются достаточно эффективным инструментом при обращении к проблемам культурогенеза на этапе систематизации источников. Однако для полноценной реконструкции историко-культурных процессов в пределах андроновского мира все более очевидной становится необходимость комплексных исследований на стыке естественно-научных и гуманитарных дисциплин.

Адаптированная для археологии концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и связанные с ней теоретические положения об историко-этнографических или историко-культурных областях, первоначально разработанные в этнографии, получили в настоящее время дополнительные импульсы

к развитию. Уже с момента постановки вопроса о соотношении указанных дефиниций в этнографической литературе сходство культурных стереотипов в андроновском мире объяснялось интеграцией родственных в этническом отношении групп населения [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 15–16]. Впоследствии целостная картина андроновской культурной общности была дополнена аргументами в пользу ее индоиранской атрибуции, что предполагает, помимо единства материальной культуры, близость этнолингвистического состояния [Кузьмина, 1994]. В контексте предлагаемого исследования принципиальное значение имеет достаточно убедительно обоснованный недавно тезис о соответствии отдельных ХКТ вариантам археологических культур [Савинов, 2007, с. 48].

Указанные методологические посылы хорошо согласуются с разработанными в географии теоретическими положениями о культурных ландшафтах. Современные представления о культурном ландшафте строятся на его восприятии как результата рациональной антропогенной трансформации геосистемы, способной продолжительное время сохранять динамическое равновесие, экологическую функцию. Применительно к археологическим реалиям ПБВ Уральско-Мугоджарского региона (II тыс. до н. э.) самым близким по содержанию представляется понятие традиционного культурного ландшафта. Его отличительными особенностями являются экстенсивный характер природопользования, опирающийся на способность экосистемы к регенерации, а также саморегулирование и консервативность взаимоотношений человека и окружающей среды, в которых ведущую роль играют историческая память и преемственность поколений [Дирин, 2006, с. 170, 172].

Система расселения носителей кожумбердынского культурного комплекса определялась не только потребностями скотоводческого хозяйства, составлявшего основу системы жизнеобеспечения, но и местоположением меднорудных источников, представлявших сырьевую базу цветной металлургии. Эти два фактора имели определяющее значение в формировании пространственной структуры культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в эпоху поздней бронзы. В свою очередь, они детерминировались геоморфологическими характеристиками и природно-климатическими условиями, особенно меридиональной ландшафтной зональностью, а также геологической позицией, географической локализацией и топографической приуроченностью сырьевых запасов для горно-металлургического производства.

В соответствии с некоторыми подходами, оформившимися в русле концепции культурного ландшафта, географическое пространство, образующее жизненную среду крупной человеческой популяции, осваивается не только утилитарно (прагматически), но и духовно, семантически и символически [Каганский, 2009, с. 62–63; Дирин, 2013, с. 131]. В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть именно этот аспект формирования культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в эпоху поздней бронзы.

Рис. 1. Комплексы кожумбердынской культурной группы Уральско-Мугоджарского региона: 1 – рудник Кенгияк; 2 – могильник Ушкаттинский I, курган 2; 3 – могильник Ушкаттинский I, курган 2, погребение 2; 4 – могильник Ушкаттинский I, курган 1, погребение 24; 5 – поселение Сарлыбай III; 6 – рудник Южный Жамантау; 7 – рудник Кенгияк; 8, 15, 16 – могильник Ишкиновка II; 9–11 – случайные находки из поселений в окрестностях Еленовского и Ушкаттинского рудников; 12–14, 17 – могильник Ушкаттинский I; 18 – могильник Нагорный (реконструкция по черепу); 19 – могильник Еленовский; 20 – могильник Байту I; 21–25 – поселение Кудуксай. Масштабы разные (6, 7 – камень; 8–11, 15 – бронза; 12–14 – медь, золото; 17 – фаянс; 19–22 – керамика; 23 – медная руда; 24 – металлургические шлаки)

Характеристика источников

Отнюдь не всякое антропогенное воздействие на природное окружение можно рассматривать в рамках понятия культурного ландшафта, а только рационально организованную геосистему, позволяющую говорить о гармонизированном жизненном пространстве. Нередко антропогенный прессинг на экосистему носил избыточный характер, что имело катастрофические последствия. Тогда разбалансированность экосистемы приводила к формированию деградированного или акультурного ландшафта. Примеров тому немало даже в первобытной истории. Достаточно вспомнить деградированные пастбища в окрестностях крупных поселений, являвшиеся результатом перевыпаса домашнего скота, или, например, «лунные пейзажи» с кратерами древних и старинных горных выработок Каргалинского меднорудного поля в степном Приуралье.

В случае с реконструируемой по археологическим источникам хозяйственно-культурной системой кожумбердынской культурной группы мы имеем дело с рациональными и эффективными механизмами адаптации к суровым природно-климатическим условиям Уральско-Мугоджарского региона. Практиковавшиеся кожумбердынским населением отгонные формы скотоводства и модель рассеянного металлопроизводства по многим горным и плавильным центрам [Григорьев, 2015, с. 101] способствовали относительно быстрой регенерации освоенных степных и полупустынных экосистем с сохранением гармоничного равновесия материальных и духовных потребностей человека, с одной стороны, и природно-ресурсного потенциала вмещающего ландшафта – с другой.

В контексте интересующей нас проблемы освоения географического пространства архаическими обществами эпохи поздней первобытности в духовной, семантической и символической проекциях наиболее информативными являются объекты культового назначения. В традиционном культурном ландшафте кожумбердынского населения к их числу относятся, в частности, менгиры и погребально-культовые комплексы в составе могильников. При этом сама пространственная локализация некрополей являлась порой маркером права конкретных палеопопуляций на монопольную эксплуатацию пастбищных угодий или меднорудных объектов. На это обстоятельство в свое время первым обратил внимание Артур Сакс, который на основе этнографических данных сформулировал гипотезу, в соответствии с которой кладбища используются для обоснования прав группы на жизненно важные ограниченные ресурсы, хотя универсальность этого тезиса далеко не всегда подтверждается в культурах эпохи бронзы Южного Урала [Епимахов, 2013].

В ситуации же с кожумбердынскими древностями Уральско-Мугоджарского региона его справедливость проявляется достаточно выпукло. Так, на площадках древних медных рудников Еленовка, Весеннее-Аралчинское, Летнее размещались могильники кожумбердынской культурной группы. Кожумбердынские некрополи, располагающиеся вдали от стационарных поселений, обычно приуроченных к главной водной артерии археологического микрорайона, нередко можно обнаружить по берегам небольших саев, наполнявшихся водой только во время весеннего половодья. Видимо, это обусловлено особенностями организации отгонных форм скотоводческого хозяйства и связано с потребностями маркирования эксплуатировавшихся весной и в начале лета сезонных

пастбищ. Такая система хозяйствования могла обеспечить сохранение биомассы на высокопродуктивных пастбищах в пойме реки с целью использования в течение летне-осеннего цикла, заготовки сена и веточного корма на зиму. На севере кожумбердынского ареала в Ишкининском археологическом микрорайоне был исследован уникальный погребально-культовый комплекс с кенотархом, содержащим монументальную антропоморфную стелу с votивными орудиями горного дела, который является яркой иллюстрацией вышесказанного [Ткачѐв, 2012].

В относительно чистом виде культовые пространственные структуры, связанные с духовно-нравственным наполнением, особым семантическим статусом, сакрализацией природных объектов, представлены в святилищах, в составе которых присутствуют замечательные образцы изобразительной деятельности человека – петроглифы. Этот вид источников образует крайне немногочисленную группу на западе андроновского ареала. По сути дела, данный пласт информации, хорошо изученный в других территориальных группах андроновского мира, до недавнего времени был попросту неизвестен на Южном Урале. Только в последние годы появились лаконичные сообщения о находках петроглифов в Мугоджарах на территории Актюбинской области Республики Казахстан [Открытие петроглифов ... , 2001; Самашев, 2006, с. 32, рис. 1–3; Археологические памятники ... , 2009; Природные подземные кладовые ... , 2010, с. 191–192, 322, 323, рис. 221, 223, 446]. Совершенно неожиданные открытия новых пунктов локализации петроглифов были сделаны в Центральных и Южных Мугоджарах (рис. 2) в ходе реализации инициированной автором серии научных российско-казахстанских проектов, тематика которых посвящена изучению древнего горного дела и археометаллургии ПБВ в регионе. В результате к настоящему времени получена репрезентативная серия объектов культового назначения. Поскольку настоящая работа не претендует на исчерпывающую характеристику и всеобъемлющий анализ данной группы памятников, ограничимся краткими сведениями об известных на сегодняшний день петроглифах Мугоджар.

Петроглифы Кайракты. Памятник располагается в Айтекебийском районе Актюбинской области, в 3,2 км к СЗ от аула Кайракты, на правом берегу р. Есекжал, являющейся правым притоком р. Кайракты, в 2,8 км от устья (рис. 3, 3). Выявлен он в 1950-е гг. в ходе геологоразведочных работ. В 2001 г. его посетил С. Ю. Гуцалов совместно с геологом В. Ф. Коробковым. В 2007, 2008, 2012, 2014 гг. памятник обследован комплексной Российско-Казахстанской экспедицией.

Объект представлял собой святилище и являлся важным культовым центром населения бассейна р. Кайракты. Вход в святилище располагается в распадке между двумя грядами гор в северо-восточной части долины. Он маркируется двумя менгирами, установленными на противоположных склонах (рис. 4, 3). Четыре участка локализации изображений концентрируются компактными группами вокруг округлой в плане горы у подножия окружающих долину небольших сопков. На массивных валунах керсантитов выбиты рисунки крестообразных фигур, колес со спицами, ступней человека, двухколесной одноосной колесницы, фаллические и бобовидные изображения (рис. 4, 5).

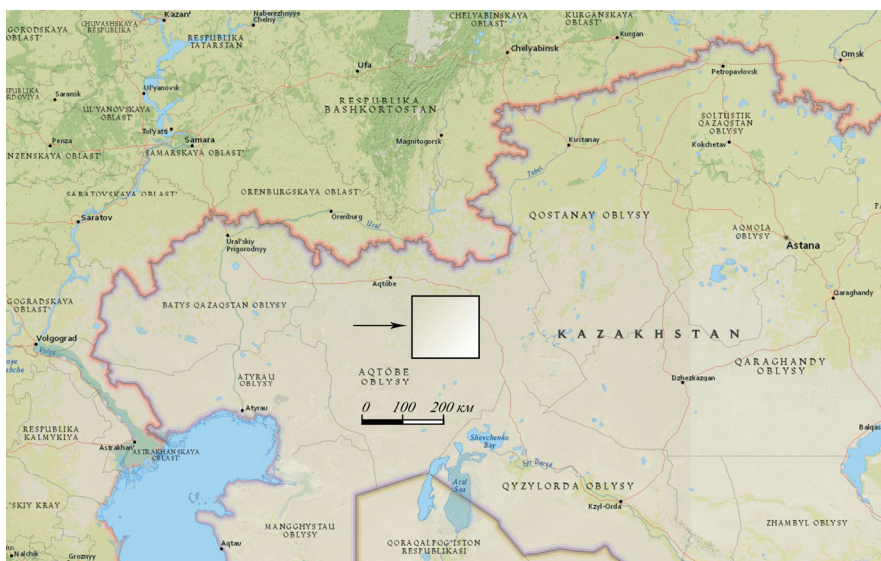

Рис. 2. Карта расположения петроглифов в Мугуджарах.
Локализация района исследования на карте Центральной Евразии

В каждом скоплении есть массивные каменные плиты с относительно ровной поверхностью (алтарные комплексы), центральный камень с петроглифами и выкладки из камней, образующие дуги. Совершенно уникальными объектами, присутствующими во всех группах изображений, являются «поющие» камни, при ударе по которым раздается «металлический» звон (рис. 4, 4).

Петроглифы Есекжал I расположены в Айтекебийском районе Актюбинской области, в 7,3 км к ЗСЗ от аула Кайракты, на правом берегу р. Есекжал (рис. 3, 4). Памятник выявлен в 2012 г. комплексной Российско-Казахстанской экспедицией. На крупном окатанном валуне нанесены изображение фаллической фигуры и серия округлых лунок (рис. 4, 1). Выбор материала для размещения панно, техника нанесения и иконография рисунков идентичны основным сюжетным компонентам петроглифов из святилища Кайракты.

Петроглифы Есекжал II находятся в Айтекебийском районе Актюбинской области, в 7,2 км к ЗСЗ от аула Кайракты, на левобережье р. Есекжал (рис. 3, 5). Памятник выявлен в 2014 г. комплексной Российско-Казахстанской экспедицией. На гребне массивного окатанного валуна нанесена цепочка округлых лунок, ориентированная по линии С–Ю с небольшим отклонением. Лунки идентичны тем, которые зафиксированы на панно петроглифов Есекжал I. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что линия ориентирована строго в направлении петроглифов Есекжал I.

Петроглиф Есекжал III локализуется в Айтекебийском районе Актюбинской области, в 6,6 км к ЗСЗ от аула Кайракты, на левобережье р. Есекжал (рис. 3, 6). Памятник выявлен в 2014 г. комплексной Российско-Казахстанской экспедицией. На массивном окатанном валуне зафиксировано слабо различимое фаллическое изображение. Техника и иконография идентичны петроглифам Есекжал I и Кайракты.

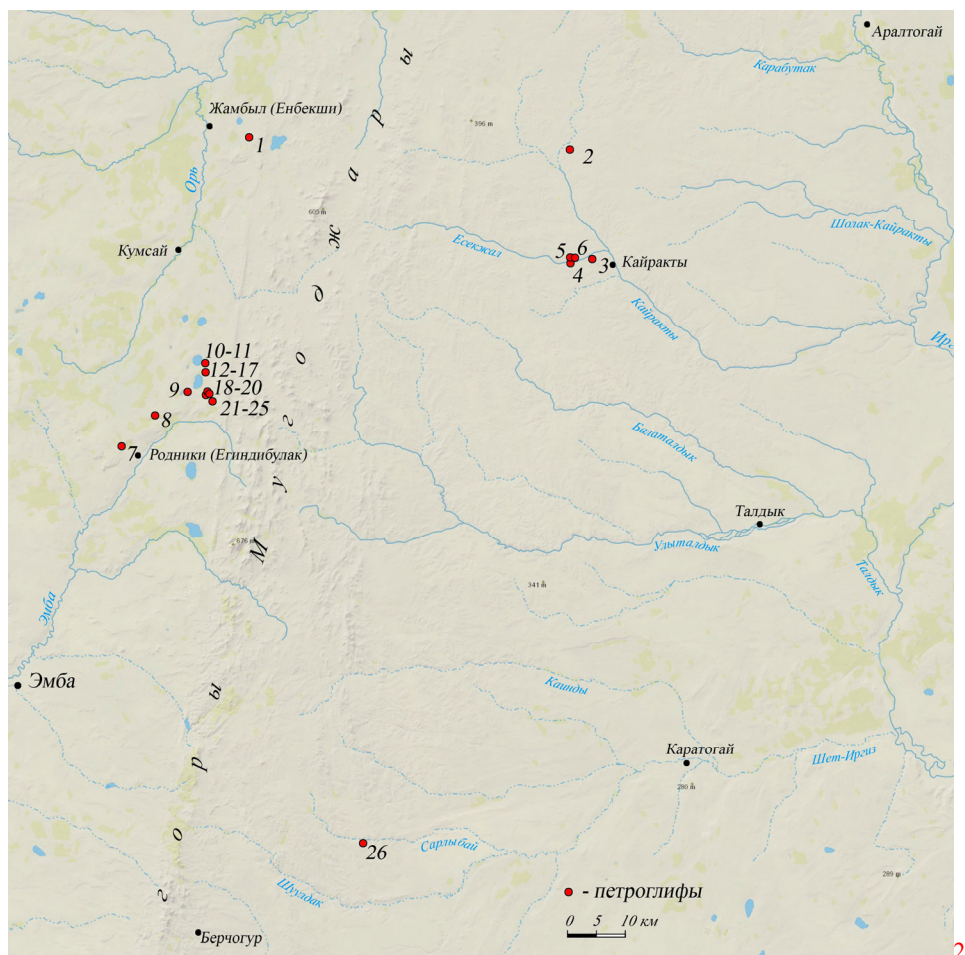

Рис. 3. Местоположение пунктов нахождения петроглифов в Мугоджарах: 1 – Енбекши, 2 – Тикаша, 3 – Кайрақты, 4–6 – Есекжал I–III, 7 – Жиландыбулак, 8 – Телебулак западный, 9 – Камыстыколь, 10–11 – Сорколь 1–2, 12–17 – Туздыколь 1–6, 18–20 – Телебулак (Большой грот, Малый грот 1, Малый грот 2), 21–25 – Телебулак 1–5, 26 – Сарлыбай

Петроглифы Енбекши располагаются в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 7 км к ЮВ от аула Енбекши, в 10,3 км к СВ от нежилого аула Орь на правом берегу одноименной реки, в 1 км от ее русла, восточнее пересыхающего оз. Косколь (рис. 3, 1). Выявлены они в 2008 г. геологической экспедицией АО «Запрудгеология» (В. Ф. Горбунов), обследованы в 2009 г. геологом «АктюбНИГРИ» В. Ф. Коробковым, в 2012 г. задокументированы комплексной Российско-Казахстанской экспедицией. На плоских поверхностях песчаника посредством резной техники с последующей шлифовкой нанесены фаллические и бобовидные фигуры (рис. 4, 2), выбиты рисунок лошади с повозкой и чашевидные углубления.

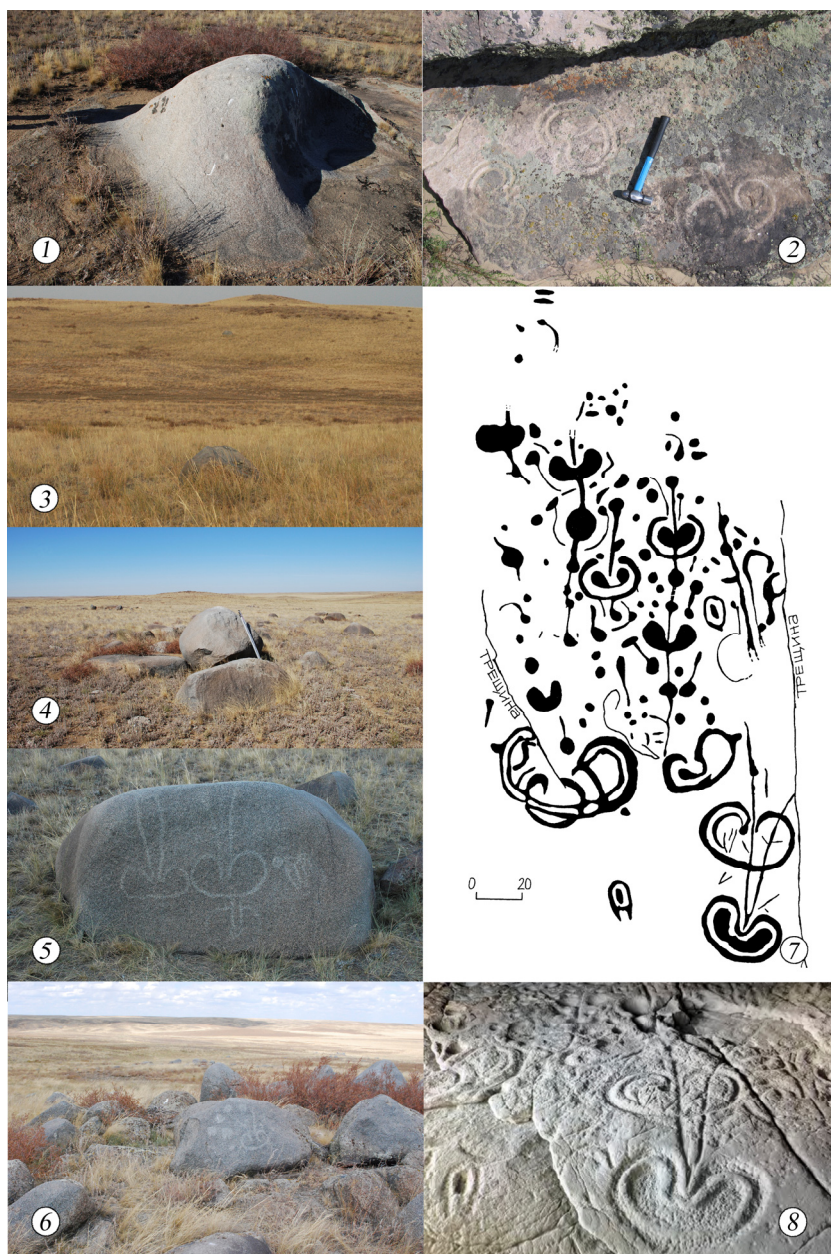

Рис. 4. Петроглифы Мугоджар:

1 – Есежжал I; 2 – Енбекши [Природные подземные кладовые ... , 2010]; 3 – вход в святилище Кайракты, маркированный двумя менгирами; 4 – «жертвенный стол» и «звенящий» камень в алтарном комплексе южной группы петроглифов святилища Кайракты; 5 – главное панно южной группы петроглифов святилища Кайракты; 6 – Сарлыбай; 7 – Телебулак, фрагмент панно Большого грота [Открытие петроглифов ... , 2001]; 8 – Телебулак, фрагмент панно Большого грота [Самашев, 2006]

Петроглифы Тикаша зафиксированы в Хромтауском районе Актюбинской области, в 40,7 км к ЮВ от пос. Амангельды, в 20 км к ССЗ от аула Кайракты, на правом берегу руч. Тикашасай, слияние которого с р. Акпансай (Актасты) в 6 км к югу дает начало р. Кайракты (рис. 3, 2). В 1,3 км выше по течению находятся развалины заброшенной зимовки Тикаша. Памятник выявлен в 1990-е гг. В. Ф. Коробковым при проведении геологоразведочных работ. Обследован в 2007 г. комплексной Российско-Казахстанской экспедицией. На одном из сглаженных коренных выходов длиной около 1 м при ширине до 0,6 м и высоте до 0,5 м наблюдаются слабо различимые сильно выветренные петроглифы, видимые лишь при особых условиях освещенности. Достаточно уверенно распознаются два рисунка, один из которых представляет собой изображение фаллической фигуры, типичной для всех известных пунктов в Мугоджахах, в том числе зафиксированной в двух группах изображений святилища Кайракты, расположенного в 18 км южнее.

Петроглифы Сарлыбай обнаружены в Шалкарском районе Актюбинской области, в 30 км к СВ от пос. Берчогур, на правом берегу р. Сарлыбай (рис. 3, 26). Памятник выявлен в 2015 г. комплексной Казахстанско-Российской экспедицией. Объект представляет собой святилище, являвшееся культовым центром крупной палеопопуляции, оставившей памятники Сарлыбайского археологического микрорайона.

Святилище локализуется на относительно ровной площадке пологой возвышенности в 200 м к ЮЗ от древнего рудника Сарлыбай II. Среди скальных выходов на окатанных поверхностях крупных валунов зафиксировано не менее полутора десятков изображений, образующих две компактные группы. Репертуар наскальных рисунков включает почковидные (бобовидные) и грибовидные (фаллические) фигуры (рис. 4, б), изображения раскрытой ладони, зооморфный образ (верблюд), геометрические знаки, округлые лунки. В структуре святилища присутствуют каменная ограда треугольной в плане формы, а также «поющие» камни, издающие при ударе по ним «металлический» звон. По этим признакам сарлыбайское святилище демонстрирует сходство с петроглифами Кайракты и Есекжал.

Петроглифы Телебулак располагаются в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 13 км к СВ от пос. Родники (Егиндибулак), в 0,8 м к С от зим. Телебулак на правобережье р. Эмбы в 2 км от русла (рис. 3, 18–20). Впервые они обследованы в 2000 г. Казахско-Российской экспедицией [Открытие петроглифов ... , 2001]. В 2005 и 2008 гг. детальное изучение памятников в окрестностях зим. Телебулак в верховьях р. Эмбы проведено Западно-Казахстанской археологической экспедицией (ЗКАЭ) под общим руководством З. С. Самашева [Самашев, 2006; Археологические памятники ... , 2009].

В скальных массивах кремнистого песчаника исследованы три грота эолового происхождения, на полах которых располагаются панно, образованные многочисленными изображениями, нанесенными в технике выбивки с последующей шлифовкой. Наиболее выразительными являются петроглифы Большого грота. Композиции составлены из многократно тиражируемых линий, лунок, бобовидных и фаллических фигур (рис. 4, 7–8). На открытых по-

верхностях останцев этой скальной гряды обнаружены изображения верблюда, лошади, антропоморфных персонажей. В 500 м к востоку от Большого грота выявлена еще одна группа, состоящая из пяти скоплений петроглифов Телеубулак 1–5 (рис. 3, 21–25), высеченных на каменных плитах и отдельно стоящих валунах. Набор изображений в этих пунктах идентичен основным образам из Большого грота Телеубулак.

Петроглифы Жиландыбулак находятся в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 1,8 км к ЗСЗ от пос. Родники (Егиндибулак), на правом берегу р. Эмбы у большого родника (рис. 3, 7). Памятник выявлен ЗКАЭ под общим руководством З. С. Самашева. На горизонтальных поверхностях плоских каменных плит коренного обнажения размещаются панно с изображениями подковообразных, почковидных (бобовидных) и фаллических (грибовидных) фигур, полулунниц, зооморфных персонажей, находящихся полные аналогии в петроглифах Телеубулака.

Петроглиф западнее Телеубулака расположен в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 6,7 км к СВ от пос. Родники (Егиндибулак), в 8,5 км к З от зим. Телеубулак (рис. 3, 8). Памятник выявлен ЗКАЭ под общим руководством З. С. Самашева. На горизонтальной поверхности каменной плиты выбиты лунка и почковидный знак, соединенные линией. Подобные сюжеты присутствуют в петроглифах Телеубулака.

Петроглиф Камыстыколь находится в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 12,5 км к СВ от пос. Родники (Егиндибулак), в 4,5 км к СЗ от зим. Телеубулак, в 600 м к востоку от оз. Камыстыколь (сол.) (рис. 3, 9). Памятник выявлен ЗКАЭ под общим руководством З. С. Самашева. Почковидное углубление окаймляется разомкнутой окружностью, от которой тянется линия. Аналогичные фигуры известны в петроглифах Телеубулака.

Петроглифы Сорколь расположены в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 18 км к СВ от пос. Родники (Егиндибулак), в 7,5 км к С от зим. Телеубулак, в 550 м к ЮВ от оз. Сорколь (сол.) (рис. 3, 10–11). Памятник выявлен ЗКАЭ под общим руководством З. С. Самашева. Два пункта локализации петроглифов Сорколь 1 и 2 приурочены к скальным массивам. Изображения представлены почковидными (бобовидными) и грибовидными (фаллическими) фигурами, которые находят аналогии в петроглифах Телеубулака.

Петроглифы Туздыколь находятся в Мугалжарском районе Актюбинской области, в 16,5 км к СВ от пос. Родники (Егиндибулак), в 6,5 км к С от зим. Телеубулак, в 700 м к СВ от оз. Туздыколь (Соленое) (сол.) (рис. 3, 12–17). Памятник выявлен ЗКАЭ под общим руководством З. С. Самашева. В шести пунктах Туздыколь 1–6 с компактной локализацией в пределах обособленного скального массива обнаружены изображения и знаки в виде почковидных и подковообразных фигур, различных линий и знаков, аналогичных зафиксированным в петроглифах Телеубулака.

Таким образом, можно констатировать наличие в Мугалжарах довольно внушительной группы памятников культового назначения, позволяющих составить детальное представление об одном из наименее изученных в настоящее время аспектов формирования культурного ландшафта, связанного с неутилитарным освоением в древности географического пространства региона.

Обсуждение

В первую очередь важно отметить, что перечисленные пункты локализации петроглифов имели различный статус и назначение, но их все объединяет идентичная иконография, тождество изображаемых фигур, знаков, сюжетов, а также единство техники нанесения рисунков. Наибольший информационный потенциал несут в себе крупные структурированные культовые объекты, которые можно считать святилищами. Один из ведущих казахстанских специалистов в области петроглифоведения З. С. Самашев, проанализировав в специальной работе многообразие подходов к решению вопроса интерпретации такого рода памятников древнего наскального искусства, выделил основные параметры идентификации святилищ. Под этим термином он предлагает понимать «...долговременно функционировавшие многокомпонентные сакральные центры сосредоточения духовной культуры человеческих сообществ, а конкретно – своеобразные храмы под открытым небом, где, благодаря нахождению комплекса почитаемых объектов – скал с пригодными для нанесения рисунков плоскостями, водных источников, жертвенных площадок, скальных расщелин, гротов, валунов и других типов священных локусов – совершались различные культово-мистериальные действия, приуроченные к важнейшим событиям календарного или иного цикла в жизни конкретных социумов и связанных с их религиозно-мифологическими представлениями», отмечая при этом, что сам процесс нанесения на поверхность камня рисунка являлся частью многоступенчатого сложного ритуала, а для идентификации святилища «необходимо определить алтарный комплекс, систему взаимосвязей его структур, составные элементы и архитектонику» [Самашев, 2009, с. 57–58].

Перечисленным критериям соответствуют, по меньшей мере, три культовых памятника Мугоджар: Телебулак, Кайракты, Сарлыбай. При этом в двух последних алтарные комплексы дополнялись уникальными структурными компонентами святилищ – валунами, издающими при ударе по ним особые звуки. О «музыкальных» свойствах этих камней устроители ритуалов, вероятно, знали в древности и использовали их в культовой практике. На одном из наиболее эффектных объектов этой категории в южной группе петроглифов святилища Кайракты есть солярный символ в виде колеса. Сам валун шарообразной формы диаметром 1,5–2 м приподнят и подклинен снизу более мелкими камнями. Вся поверхность с изображением покрыта следами от многочисленных ударов (рис. 4, 4). При ударе по этому камню другим предметом раздается мелодичный «металлический» звон.

Первостепенное значение имеет определение культурно-хронологической позиции обсуждаемой группы культовых объектов. Эта задача осложняется тем обстоятельством, что петроглифы Мугоджар, демонстрируя поразительную близость между различными пунктами в пределах очерченного ареала, являются весьма самобытными и фактически не имеют сколько-нибудь убедительных аналогов на других территориях. На эксклюзивный характер наскальных изображений Телебулака указывали уже их первые исследователи, отмечая отсутствие аналогий в памятниках изобразительного искусства Казахстана, Средней Азии, Сибири, Алтая и Монголии, хотя и усматривали схожесть некоторых

простейших элементов (линии различной направленности, чашевидные углубления) с подобными рисунками из Каменной Могилы в Северном Приазовье, что позволило отнести телебулакские комплексы к первой половине голоцена [Открытие петроглифов ... , 2001, с. 103]. Не позднее неолита предлагает датировать петроглифы Телебулака З. С. Самашев, который так же, как и упомянутые выше авторы, отмечает стилистическую близость и отсутствие хронологического разрыва между знаками, лунками и резными линиями [Самашев, 2010, с. 20–21]. С неолитической эпохой связывают многочисленные петроглифы в верховьях р. Эмбы (Телебулак, Жиландыбулак, Камыстыколь, Сорколь, Туздыколь) и участники возглавляемой З. С. Самашевым ЗКАЭ, открывшие эту выразительную группу памятников изобразительного искусства [Археологические памятники ... , 2009].

На тот момент исследователи действительно еще не имели достаточных данных для датировки петроглифов Мугоджар, поэтому в условиях отсутствия прямых аналогий им приходилось опираться на косвенные свидетельства. Однако открытия последних лет позволяют коренным образом пересмотреть наши представления о времени появления данной группы петроглифов и их культурной атрибуции. Прежде всего нужно отметить, что все известные на сегодняшний день местонахождения петроглифов в Мугоджарах располагаются в ареале кожумбердынской культурной группы ПБВ (рис. 2, 3). Более того, выразительные культовые памятники, представленные святилищами Кайракты и Сарлыбай, позиционируются как сакральные центры довольно крупных кожумбердынских палеопопуляций, сформировавших самодостаточные производственные структуры. Многочисленные, числом до двух десятков, синхронные поселения и местонахождения, могильники, горные выработки на медь (рудники), памятники культового назначения образуют компактные археологические микрорайоны.

Практически все пункты локализации петроглифов Кайрактинского и Сарлыбайского археологических микрорайонов, концентрирующиеся в пределах святилищ, либо отдельные изображения, занимающие обособленное положение, демонстрируют тесную связь с памятниками кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы. Так, например, святилище Сарлыбай располагается на площадке древнего рудника Сарлыбай II, с которого происходит одна из наиболее представительных коллекций каменных орудий горного дела ПБВ в Уральско-Мугоджарском регионе. Археологические раскопки памятников различных категорий Сарлыбайского микрорайона подтвердили их кожумбердынскую принадлежность.

Петроглифы Есекжал I–III, объединенные между собой и со святилищем Кайракты в единую семантическую систему, приурочены к поселению Есекжал I и относящемуся к нему могильнику Есекжал XI, принадлежность которых к кожумбердынской культурной группе не вызывает сомнений. Примечательно, что окрестности святилищ изобилуют находками кожумбердынской керамики. Наиболее показательная картина отмечена на площадке правого берега р. Есекжал напротив маркированного двумя менгирами входа в святилище Кайракты. Здесь выявлена серия местонахождений керамики кожумбердынской культурной группы, которые можно расценивать как пункты регу-

лярных посещений родственных групп населения, прибывающих для отправления культово-мистериальных церемоний.

В дополнение к сказанному можно добавить, что памятники эпохи поздней бронзы присутствуют в окрестностях всех без исключения пунктов локализации петроглифов. Особенно важно отметить, что рекогносцировочные исследования могильника Телебулак на территории одноименной зимовки показали его принадлежность к эпохе поздней бронзы. Авторы раскопок этого памятника отнесли его к западноалакульской культурной группе и датировали XIV–XIII вв. до н. э. [Археологические памятники ... , 2009, с. 188, 196–197, рис. 2]. Алакульская атрибуция памятника, возможно связанного с петроглифами Телебулак, возражений не вызывает, однако характеристики погребальных конструкций демонстрируют соответствие стандартам кожумбердынской культурной группы.

Но все перечисленные аргументы в пользу отнесения интересующей нас группы петроглифов к эпохе поздней бронзы носят косвенный характер. Решающее значение для датировки петроглифов Мугоджар имеет то обстоятельство, что типичные для всех известных пунктов фаллические изображения и бобовидная фигура (мужское и женское начала) на одном из панно святилища Кайракты включены в единую композицию с рисунком одноосной колесницы, снабженной колесами со спицами (рис. 4, 5). Иконографическое решение, использованное для изображения повозки, совпадает с традиционной трактовкой колесниц в плане, характерной для евразийской изобразительной традиции, уверенно связываемой с андроновской общностью эпохи поздней бронзы. Само появление колесниц относится к эпохе поздней бронзы. Поэтому достаточно многочисленные изображения колес со спицами (солярных символов), входящие в репертуар мугоджарских петроглифов, являются дополнительными доказательствами в пользу предложенной датировки.

Не противоречит этим наблюдениям и присутствующее в петроглифах Енбекши, наряду с лунками, фаллическими и бобовидными фигурами, изображение лошади с двумя оглоблями и волокушей. Иконография животного с короткой гривой, челкой соответствует изобразительным стандартам и традициям художественных бронз носителей сейминско-турбинской традиции. Большая концентрация аналогичных изображений лошадей в сейминско-турбинском стиле, относимых исследователями к эпохе бронзы, отмечена в андроновском ареале на территории Центрального и Восточного Казахстана [Самашев, 2010, с. 23].

В изучении петроглифов Мугоджар делаются только первые шаги. Стилистические особенности изображений, семантическое содержание образов и прочие сюжеты должны стать объектом исследования специалистов в области петроглифоведения. В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на один из наиболее популярных образов, присутствующий во всех пунктах. В сложно организованных святилищах и на отдельных валунах в строгом соответствии с изобразительным канонам, регламентированным мифологическими представлениями и ритуальной практикой, многократно воспроизводились фаллические (грибовидные) и бобовидные (почковидные) фигуры, которые

имеют переходные формы. Вероятно, они на самом деле символизировали мужское и женское начала и были связаны с культом плодородия, на что уже обращали внимание исследователи петроглифов Телеубулака [Открытие петроглифов ... , 2001, с. 103]. Нередко фаллические изображения дополнялись многочисленными лунками (Есекжал, Сарлыбай, Енбекши), недвусмысленно указывающими на стремление древних художников отобразить процесс семяизвержения (рис. 4, 2, 7, 8).

Справедливости ради стоит заметить, что фаллические культы были широко распространены у многих древних народов. Поскольку носители андроновского культурного комплекса ассоциируются с индоиранцами [Кузьмина, 1994], было бы логичным рассмотреть данный вопрос именно в таком этнокультурном контексте.

Первая ассоциация, которую вызывает визуальное восприятие мугоджарских петроглифов, – это широко распространенный в индуизме (особенно в школах шиваизма) культ лингама и йони, олицетворяющих, соответственно, мужское и женское начала. Однако истоки почитания лингама, фаллический характер которого очевиден, восходят к более раннему времени. В «Ригведе» дважды упоминаются так называемые шишнадева (shishnadeva), т. е. имеющие своим богом фаллос (членопоклонники). Уместно привести соответствующие отрывки из текста:

5. Нас не преследует ни нечистая сила, о Индра,
 Ни ванданы с их обманами, о сильнейший.
 Он пусть торжествует над врагом из изменчивого рода!
 Пусть членопоклонники не просочатся в наш обряд!

Ригведа. VII, 21.5. К Индре

- 3 Он направляется за добычей, двигаясь (путем), далеким для хромого.
 При завоевании солнца он окружил (его), стремясь завоевать,
 Когда, не встречающий сопротивления, в измененном облике он овладел
 Имуществом стовратного, убивая членопоклонников.

Ригведа. X, 99.3. К Индре

Несложно заметить, что в обоих случаях «шишнадева» упоминаются в негативном ключе. На первый взгляд, это делает весьма проблематичной саму постановку вопроса об индоиранской атрибуции приверженцев фаллического культа, к числу которых, видимо, можно отнести и носителей кожумбердынского культурного комплекса Уральско-Мугоджарского региона. В комментариях к данным фрагментам текста Т. Я. Елизаренкова прямо указывает, что в обоих случаях речь идет о представителях неарийских народов, поклоняющихся фаллосу [Ригведа. Мандалы V–VIII, 1999, с. 200, 625; Ригведа. Мандалы IX–X, 1999, с. 252, 501]. Однако далеко не все специалисты разделяют данную точку зрения. Так, например, А. А. Семененко пишет, что в «Ригведе» «мы видим зарождение культа Лингама и Йони», а в «Махабхарате» содержится уже «описание культа Рудры-Шивы как стоящего/огромного Лингама» [Семененко, 2015, с. 217, 220]. Хотя нужно сразу оговориться, что упомянутый автор исходит из индоарийской атрибуции Хараллупской цивилизации и с порога отвергает

саму возможность отождествления андроновцев с индоариями и их миграции на север Индостана, поскольку придерживается точки зрения о прямо противоположном векторе движения индоевропейцев из Южной Азии в Юго-Восточную Европу через степи [Семененко, 2012; 2014].

Но еще больше оснований для поиска объяснительных моделей семантики петроглифов Мугоджар мы обнаруживаем в «Атхарваведе», которая содержит архаическую основу в виде собрания заговоров и заклинаний, в отличие от прочих вед, представляющих собой сборники прославляющих богов гимнов. Любопытно, что в приведенном выше фрагменте текста «Ригведы» фигурируют колдуны из числа порицаемых членопоклонников (РВ, VII, 21.5). В этом плане показательно, что «Атхарваведа» длительное время считалась еретическим учением и была последней включена в число священных книг ведической традиции. Ее создание приписывается так называемым вратьям (vratya), которые, по мнению Р. К. Чоудхари, представляли собой раннюю волну миграции ариев, обособившуюся на востоке Индии, в Магадхе. Вратьи практиковали заговоры белой и черной магии, почитали Рудру-Шиву, исповедовали фаллические культы. К брахманической религии они могли быть приобщены через специальный ритуал очистительных обрядов «вратьястома». Вратьям целиком посвящена XV книга «Атхарваведы». Примечательно, что некоторые наиболее архаичные фрагменты «Атхарваведы» могут быть старше, чем древние части «Ригведы», хотя в целом ее окончательное оформление относится, видимо, к началу I тыс. до н. э. [Атхарваведа ... , 2005, с. 29–31; Атхарваведа ... , 2010, с. 14, 59–75, 184–185].

Конечно, прямолинейная идентификация носителей кожумбердынского культурного комплекса Уральско-Мугоджарского региона с вратьями «Атхарваведы» вряд ли возможна. Но само существование в культуре индоариев альтернативных религиозных течений, отличных от ортодоксальной ведической традиции и вполне сопоставимых с фаллическими культами кожумбердынцев, весьма показательно. Реконструируемая картина разворачивавшихся на кожумбердынских святилищах магических мистерий ближе культу «Атхарваведы», нежели «Ригведы». Тот факт, что в позднем бронзовом веке (II тыс. до н. э.) в Мугоджарах сложилась самобытная изобразительная традиция, а репертуар и иконография петроглифов практически не находят аналогий на других территориях андроновской ойкумены, оттеняет культурную обособленность кожумбердынских древностей.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд предварительных выводов.

1. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке (II тыс. до н. э.) связано с кожумбердынской культурной группой, являющейся локальным вариантом алакульской культуры андроновской культурно-исторической общности.

2. Хозяйственно-культурная модель кожумбердынской культурной группы была основана на гармоничном сочетании отгонных форм скотоводства как

основы системы жизнеобеспечения, горного дела и цветной металлургии. Она носила экстенсивный характер и функционировала в рамках традиционного культурного ландшафта с опорой на способность степных и полупустынных экосистем к регенерации с сохранением динамического равновесия между потребностями человека и природно-ресурсным потенциалом.

3. Географическое пространство, образующее жизненную среду кожумбердынского населения Уральско-Мугоджарского региона, осваивалось не только утилитарно, но и духовно, семантически, символически, свидетельством чему являются памятники культового назначения, которые нередко маркируют монопольное право отдельных палеопопуляций на жизненно важные ограниченные ресурсы.

4. В составе дискретно расположенных компактных археологических микрорайонов, в пределах которых сформировались рационально организованные производственные структуры со скотоводческой и горно-металлургической специализацией, выделяется представительная серия святилищ и отдельных пунктов локализации петроглифов, образующих гомогенную группу изобразительных культовых памятников, объединяющихся по технике исполнения, сюжетному ряду и стилю.

5. Репертуар и иконография петроглифов Мугоджар самобытны, не имеют прямых аналогий, в том числе в наскальных рисунках других территорий андроновского мира, что подчеркивает обособленность носителей кожумбердынского культурного комплекса.

6. Анализ семантики получивших наиболее широкое распространение в петроглифах Мугоджар фаллических образов и бобовидных фигур, символизировавших мужское и женское начала и связанных с культом плодородия, в индоиранском культурном контексте обнаруживает сходство с магическими практиками и фаллическим культом, запечатленными в текстах «Атхарваеды», составляющих ее архаическое ядро.

7. Культовые памятники кожумбердынской культурной группы Уральско-Мугоджарского региона свидетельствуют о существовании в среде индоиранского населения степей Центральной Евразии альтернативных религиозно-мифологических течений, отличных от ортодоксальной ведической традиции.

Высказанные положения гипотетичны и скорее являются своеобразным приглашением к дискуссии, поскольку речь идет о совершенно новом корпусе источников, содержащих закодированную информацию. Мы находимся в самом начале пути, но путешествие обещает быть весьма увлекательным.

Список литературы

Археологические памятники микрорайона Толеубулак-Егиндибулак (предварительные итоги работ) / А. Онгар, Н. Нурпеисов, Г. Киясбек, А. Логвин, Н. Жетписбай // *Вопр. истории и археологии Западного Казахстана*. – 2009. – № 1 (вып. 10). – С. 187–204.

Атхарваеда (Шаунака) / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. – М. : Вост. лит. РАН, 2005. – Т. 1, кн. 1–7. – 573 с. – (Памятники письменности Востока. СXXXV, 1).

Атхарваведа (Шаунака) / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. – М. : Вост. лит. РАН, 2010. – Т. 3, кн. 13–19. – 231 с. – (Памятники письменности Востока. СХХХV, 3).

Бочкарёв В. С. Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии / В. С. Бочкарёв, П. Ф. Кузнецов // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) : материалы Междунар. науч. конф. – Самара : ПГСГА, 2014. – С. 5–10.

Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах / В. В. Зайков, А. М. Юминов, М. Н. Анкушев, В. В. Ткачёв, В. В. Носкевич, А. В. Епимахов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 174–195.

Григорьев С. А. Срубная и алакульская металлургия эпохи бронзы степной зоны / С. А. Григорьев // Геоархеология и археологическая минералогия – 2015. – Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН, 2015. – С. 99–102.

Дергачёв В. А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В. А. Дергачёв, В. С. Бочкарёв. – Кишинев : Высш. антропол. шк., 2002. – 348 с.

Дирин Д. А. Теоретико-методологические и практические вопросы концепции культурного ландшафта / Д. А. Дирин // Ползуновский вестник. – 2006. – № 2. – С. 169–175.

Дирин Д. А. Геоэкологический подход в концепции культурного ландшафта / Д. А. Дирин // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 3–2 (79). – С. 151–155.

Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах / А. М. Юминов, В. В. Зайков, В. Ф. Коробков, В. В. Ткачёв // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3 (55). – С. 87–96.

Епимахов А. В. Гипотеза 8 Артура Сакса и погребальные памятники бронзового века Южного Урала / А. В. Епимахов // КСИА. – 2013. – Вып. 229. – С. 25–33.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры : журн.-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е. Е. Кузьмина. – М. : Калина, 1994. – 463 с.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Е. Е. Кузьмина. – Актобе : ПринтА, 2008. – 358 с.

Левин М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) / М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров // СЭ. – 1955. – № 4. – С. 3–17.

Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах / А. П. Дервянко, В. Т. Петрин, С. А. Гладышев, Ж. К. Таймагамбетов, В. В. Ламин, Г. Исаков, Ж. Абсадык // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 100–103.

Природные подземные кладовые Актобе: облицовочные, декоративно-облицовочные и строительные камни / В. Ф. Коробков, Б. К. Баймагамбетов, П. К. Сапожников, К. Т. Улукпанов. – Актобе : [Б. и.], 2010. – 371 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII / подгот. Т. Я. Елизаренковой. – М. : Наука, 1999. – 745 с.

Ригведа. Мандалы IX–X / подгот. Т. Я. Елизаренковой. – М. : Наука, 1999. – 560 с.

Савинов Д. Г. О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам / Д. Г. Савинов // XVII УАС. – Екатеринбург ; Сургут : Изд-во УрГУ, 2007. – С. 46–48.

Самашев З. Некоторые замечания о проблемах петроглифоведения в Казахстане / З. Самашев // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии : материалы Междунар. науч. конф. – Актобе : ПринтА, 2006. – Ч. 1. – С. 31–36.

Самашев З. С. Святилища с наскальными изображениями / З. С. Самашев // Вестн. КарГУ им. Е. Букедова. Сер. История. Философия. Право. – 2009. – № 2 (54). – С. 57–61.

Самашев З. С. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / З. С. Самашев. – Алматы, 2010. – 53 с.

Семененко А. А. О предполагаемой миграции андроновцев в Индию из Евразийской степи и Средней Азии во II тыс. до нашей эры / А. А. Семененко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – № 13 (132). – Вып. 23. – С. 5–10.

Семененко А. А. Предварительные данные об антропологических и археологических следах миграции индоевропейцев из Южной Азии через степную зону в Юго-Восточную Европу / А. А. Семененко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 8 (179), вып. 30. – С. 5–12.

Семененко А. А. О культуре Ригvedы и Махабхараты в связи с их датировкой / А. А. Семененко // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты : материалы Девятой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 2 февр. 2015 г.). – Воронеж : Истоки, 2015. – С. 216–222.

Ткачëв В. В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы / В. В. Ткачëв // РА. – 2011. – № 2. – С. 43–55.

Ткачëв В. В. Погребально-культурный комплекс алакульской культуры из Восточного Оренбуржья / В. В. Ткачëв // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 49–57.

Tkačev V. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary) / V. Tkačev, V. Zajkov, A. Juminov // Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. – Bochum : Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Band I. – S. 471–482.

Kozhumberdy Cultural Group in the Context of the Concept of a Cultural Landscape and the Indo-Iranian Issues

V. V. Tkachev

Institute of Steppe UB RAS

Abstract. This article focuses on the question of the formation of the cultural landscape of the Ural- Mugodzhar region in the Late Bronze Age (2nd Millennium BC). In the context of the Indo-Iranian issues is defined the special status of the Kozhumberdy cultural group which was local option of the Alakul culture of an Andronovo cultural and historical community. The reconstructed economic and cultural system developed on a base of a harmonious combination of cattle breeding, mining and metallurgical production with a support on ability of steppe and semidesertic ecosystems to regenerate with preservation of ecological function. The geographical accustomed factor is not only utilitarian, but also semantic and symbolical projections, thus cult objects are quite often served as right markers of Kozhumberdy paleopopulation on limited vital resources. As a part of the compact archaeological residential districts formed by numerous settlements, burial grounds, excavations on copper (mines) there

are sanctuaries with petroglyphs. The repertoire and iconography of Mugodzhaz petroglyphs have no direct analogies in rock drawings of Eurasia, including the other territorial groups of the Andronovo community. It emphasizes the isolation of carriers of Kozhumberdy cultural complex. Semantics of the most popular phallic images and "bean-shaped" figures representing man's and female connected with a fertility cult, in line with the Indo-Iranian tradition has a convergence with magic practicing and a phallic cult of Atkharvaveda. Cult monuments of Kozhumberdy cultural group of the Ural-Mugodzhaz region testify the existence among the Indo-Iranian population of the Central Eurasia steppes the alternative religious and mythological currents other than orthodox Vedic canons.

Keywords: the Urals-Mugodzhaz region, the Late Bronze Age, Kozhumberdy cultural group, cultural landscape, petroglyphs, Indo-Iranians.

References

Ongar A., Nurpeisov N., Kiyasbek G., Logvin A., Zhetpisbai N. Arkheologicheskie pamyatniki mikroraiona Tolebulak-Egindibulak (predvaritelnye itogi rabot) [Archaeological sites of the district Tolebulak-Egindibulak (preliminary results)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan]*. 2009, Is. 1 (Is. 10), pp. 187–204. (in Russ.)

Atkharvaveda (Shaunaka) [The Atharvaveda (Saunaka)]. *Pamyatniki pismennosti Vostoka. CXXXV, 1 [The written monuments of the East. CXXXV, 1]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAS Publ., 2005, Vol. I, book I–VII, 573 p. (in Russ.)

Atkharvaveda (Shaunaka) [The Atharvaveda (Saunaka)]. *Pamyatniki pismennosti Vostoka. CXXXV, 1 [The written monuments of the East. CXXXV, 3]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAS Publ., 2010, Vol. 3, book XIII–XIX, 231 p. (in Russ.)

Bochkarev V. S., Kuznetsov P. F. Osnovnye etapy razvitiya shchitkovykh psaliev Severnoi Evrazii [The main stages of development probably of scutal psalia of Northern Eurasia]. *Protsess kulturogeneza nachalnoi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii) [The process of culture genesis to the Initial Late Bronze Age of Volga-Ural region (questions of chronology, periodization, historiography)]*. Samara, PGSGA Publ., 2014, Is. 1, pp. 5–10. (in Russ.)

Zaikov V. V., Yuminov A. M., Ankushev M. N., Tkachev V. V., Noskevich V. V., Epimakhov A. V. Gorno-metallurgicheskie tsentry bronzovogo veka v Zauralie i Mugodzhazhary [Mining and metallurgical centers of the Bronze Age in the Urals and Mugodzhazhary]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*. 2013, Is. 1, pp. 174–195. (in Russ.)

Grigoriev S. A. Srubnaya i alakulskaya metallurgiya epokhi bronzy stepnoi zony [Srubna and Alakul metallurgy of the Bronze Age of steppe zone]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya [Geoarchaeology and archaeological Mineralogy]*. Miass, Institute of Mineralogy of Urals branch of RAS Publ., 2015, pp. 99–102. (in Russ.)

Dergachev V. A., Bochkarev V. S. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy [Metal sickles of the Late Bronze Age of Eastern Europe]*. Kishinev, Vysshaya Antropologicheskaya Shkola Publ., 2002, 348 p. (in Russ.)

Dirin D. A. Teoretiko-metodologicheskie i prakticheskie voprosy kontseptsii kulturnogo landshafta [Theoretical, methodological and practical issues of the concept of cultural landscape]. *Polzunovskii vestnik [Polzunovski Bulletin]*. 2006, Is. 2, pp. 169–175. (in Russ.)

Dirin D. A. Geoekologicheskii podkhod v kontseptsii kulturnogo landshafta [Geoecological approach to the concept of cultural landscape]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State University]*. 2013, Is. 3–2 (79), pp. 151–155. (in Russ.)

Yuminov A. M., Zaikov V. V., Korobkov V. F., Tkachev V. V. Dobycha mednykh rud v bronzovom veke v Mugodzharakh [Mining of copper ores in the Bronze Age in Mugodzharay]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2013, Is. 3 (55), pp. 87–96. (in Russ.)

Epimakhov A. V. Gipoteza 8 Artura Saksa i pogrebalnye pamyatniki bronzovogo veka Yuzhnogo Urala [Hypothesis 8 of Arthur Sachs and funerary sites of the Bronze Age of the Southern Urals]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]*. 2013, Is. 229, pp. 25–33. (in Russ.)

Kaganskii V. L. Kulturnyi landshaft: osnovnye kontseptsii v rossiiskoi geografii [Cultural landscape: the basic concepts in the Russian geography]. *Observatoriya kulture: zhurnal-obozrenie [Observatory of culture: the observer magazine]*. 2009, Is. 1, pp. 62–70. (in Russ.)

Kuzmina E. E. Otkuda prishli indoarii? Materialnaya kultura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoarantsev [Whence came the Indo-Aryans? Material culture of tribes of the Andronovo community and the origin of ingorance]. Moscow, Kalina Publ., 1994, 463 p. (in Russ.)

Kuzmina E. E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kulturnoi obshchnosti [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community]. Aktobe, PrintA Publ., 2008, 358 p. (in Russ.)

Levin M. G., Cheboksarov N. N. Khozyaistvenno-kulturnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (K postanovke voprosa) [Economic-cultural types and historical-ethnographic regions (To the question)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1955, Is. 4, pp. 3–17. (in Russ.)

Derevyanko A. P., Petrin V. T., Gladyshev S. A., Taimagambetov Zh. K., Lamin V. V., Iskakov G., Absadyk Zh. Otkrytie petroglifov v verkhoviyakh r. Emba v Mugodzharikh gorakh [The discovery of petroglyphs in the upper reaches of the river Emba in the Mugodzhar mountains]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]*. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2001, Vol. VII, pp. 100–103. (in Russ.)

Korobkov V. F., Baimagambetov B. K., Sapozhnikov P. K., Ulukpanov K. T. Prirodnye podzemnye kladovye Aktobe: oblitsovochnye, dekorativno-oblitsovochnye i stroitelnye kamni [Natural underground storage of Aktobe: facing, ornamental and construction stones]. Aktobe, 2010, 371 p. (in Russ.)

Rigveda. Mandaly V–VIII [The Rig-Veda. Mandala V–VIII]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 745 p. (in Russ.)

Rigveda. Mandaly IX–X [The Rig-Veda. Mandala IX–X]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 560 p. (in Russ.)

Savinov D. G. O teorii khozyaistvenno-kulturnykh tipov primenitelno k arkheologicheskim istochnikam [On the theory of economic-cultural types in relation to archaeological sources]. *XVII Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie [XVII Ural archaeological meeting]*. Ekaterinbug, Surgut, Ural State University Publ., 2007, pp. 46–48. (in Russ.)

Samashev Z. Nekotorye zamechaniya o problemakh petroglifovedeniya v Kazakhstane [Some comments about the problems of petroglyphs in Kazakhstan]. *Aralo-Kaspiiskii region v istorii i kulture Evrazii [The Aral-Caspian region in history and culture of Eurasia]*. Aktobe, PrintA Publ., 2006, part 1, pp. 31–36. (in Russ.)

Samashev Z. S. Svyatilishcha s naskalnymi izobrazheniyami [Sanctuary with petroglyphs]. *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni E. Buketova. Seriya Istoriya. Filosofiya. Pravo [Bulletin of Karaganda State University named E. Buketov. Series History. Philosophy. Justice]*. 2009, Is. 2 (54), pp. 57–61. (in Russ.)

Samashev Z. S. *Naskalnye izobrazheniya Kazakhstana kak istoricheskii istochnik [Petroglyphs of Kazakhstan as a historical source. Doc. of histor. sci. syn. diss.]*. Almaty, 2010, 53 p. (in Russ.)

Semenenko A. A. O predpolagaemoi migratsii andronovtsev v Indiyu iz Evraziiskoi stepi i Srednei Azii vo II tys. do nashei ery [On the alleged migration of the Andronovo people in India from the Eurasian steppe and Central Asia in the second Millennium BC]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Bulletin of Belgorod state University. Series History. Political science. Economy. Informatics]*. 2012, Is. 13 (132), Is. 23, pp. 5–10. (in Russ.)

Semenenko A. A. Predvaritelnye dannye ob antropologicheskikh i arkhologicheskikh sledakh migratsii indoevropoitsev iz Yuzhnoi Azii cherez stepnyuyu zonu v Yugo-Vostochnuyu Evropu [Preliminary data on anthropological and archaeological traces of Indo-European migration from South Asia through the steppe zone in the South-Eastern Europe]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Bulletin of Belgorod state University. Series History. Political science. Economy. Informatics]*. 2014, Is. 8 (179), Is. 30, pp. 5–12. (in Russ.)

Semenenko A. A. O kulte Rigvedy i Mahabkharaty v svyazi s ikh datirovkoi [About the cult of the Rig-Veda and the Mahabharata in connection with their dating]. *Vlast i obshchestvo: praktiki vzaimodeistviya i konflikty [Power and society: practices of interaction and conflict]*. Voronezh, Istoki Publ., 2015, pp. 216–222. (in Russ.)

Tkachev V. V. Uralsko-Mugodzgarskii gorno-metallurgicheskii tsentr epokhi pozdnei bronzy [Ural-Mugodzhhar mining and metallurgical center of the Late Bronze Age]. *Rossiiskaya arkhologiya [Russian Archaeology]*. 2011, Is. 2, pp. 43–55. (in Russ.)

Tkachev V. V. Pogrebavno-kultovyi kompleks alakulskoi kultury iz Vostochnogo Orenburzhiya [Burial-cult complex of the Alakul culture from the East Orenburg region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2012, Is. 1 (49), pp. 49–57. (in Russ.)

Tkačev V., Zajkov V., Juminov A. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary). *Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum, Deutsches Bergbau-Museum, 2013, band I, s. 471–482. (in Germany)

Ткачѐв Виталий Васильевич

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
лаборатория исторического степеведения
Институт степи УрО РАН
460000, Россия, г. Оренбург,
ул. Пионерская, 11
e-mail: vit-tkachev@yandex.ru

Tkachev Vitalii Vasilievich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Senior Researcher, Laboratory of
Historical Steppe Science
Institute of Steppe UB RAS
11, Pionerskaya st., Orenburg, Russia,
460000
e-mail: vit-tkachev@yandex.ru